

Несомненно, что сама надпись периодически обновлялась, при этом текст ее мог подвергаться порче.¹²⁵ Однако различий фактического характера между приведенной надписью и летописным текстом нет, кроме отсутствия в последнем слов «и в Новой» (Русе),¹²⁶ легко объяснимого механическим пропуском. Даже все цифры (которые особенно часто искажаются при переписке) в точности совпадают. Это заставляет полагать, что публикация Амвросия сохранила в общем почти неизменным то состояние текста надписи, которое имело место в конце XVII в., когда был составлен Погодинский свод.¹²⁷

Это позволяет делать выводы о характере той стилистической обработки, которую произвел составитель свода при использовании текста надписи. Замечаем, что: слова «братии», «старцев», «стариц» везде заменены на «монахов» и «монахинь»; «попы» во всех случаях (кроме одного) заменены «священниками»; дважды ошибочно употребленный в надписи термин «вселенский собор» исправлен в обоих случаях на «освященный собор»; пространная молитва к Симеону, местами явно преувеличивавшая, с точки зрения официальных церковных представлений, значение святого («...на тебе бо надеемся...», «прими молитву раб своих», «избави нас... от всякого зла» и т. п.), заменена кратким и сдержанным обращением, содержащим лишь просьбу о ходатайстве святого перед всемогущим богом, который один только может дать избавление («помолися о нас грешных господу богу нашему... еже избавитися нам от смертоносныя сея язвы»); в самом конце добавлено назидательное «и престань мор»; опущены могущие показаться излишними и не вполне понятными для читателя конца XVII в. уточнения «на посаде» и «по обыскным спискам»; изложению придана большая логическая последовательность: упоминание о скудельнице в Зверине монастыре помещено после перечисления жертв эпидемии, указание на появление в монастыре иконы Симеона уже не вклиниваются в текст пророчества а помещено вслед за ним в виде пояснения и т. п.

Таким образом, летописный текст носит явные следы вполне сознательной обработки в сторону большей официальности, понятности и логичности изложения. Это доказывает первичность надписи и вторичность летописного известия, так как обработка текста в обратном направлении (если бы надпись имела своим источником Погодинский свод) не может быть удовлетворительно объяснена, даже если учесть возможные искажения при возобновлении надписи («посад», «обыскные списки» и пространная молитва Симеону никак не могли явиться результатом искажений). Кроме того, само содержание текста надписи показывает, что он возник именно в Зверине монастыре.

Этот текст был, по-видимому, частично использован еще составителем пространной редакции НЗЛ, дополнившим, на основании главным образом легендарной его части, соответствующее известие Уваровского свода.

¹²⁵ Текст этой же надписи, изданный в Новгороде спустя столетия после публикации Амвросия, содержит уже значительные пропуски и искажения (см.: Ведомость, сколько находилось в Великом Новеграде и уезде его монастырей, ныне существующих и упраздненных, и сколько в оных святых мощей угодников божиих, стр. 7—8).

¹²⁶ Город Новая Руса находился на р. Шелони, что засвидетельствовано источниками XVI—XVIII вв. (см.: А. Н. Насонов. «Русская земля» и образование территории древнерусского государства. М., 1951, стр. 119, прим. 6). Приведенная нами надпись показывает, что он существовал, очевидно, уже в XV в.

¹²⁷ О времени его составления см. в моей статье «Летописные памятники Новгорода XVII—XVIII вв.» (стр. 294).